

Каждый должен расплачиваться за свои поступки

О. Виноградов

Марининский театр. — 1994. — № 8-10.

— Как вы оцениваете прошедший сезон?

— Прошедший сезон был совершенно замечательный. Впервые, мы выпустили четыре премьеры, причем настолько начительные, что это, естественно, повлияет и на следующий сезон, и на будущее. Я прежде всего имею в виду три балета Рокина, которые благодаря инициативе Андриаса Лиены теперь украшают нашу сцену (Дягилев-центр бесплатно отдал нам декорации). Затем это "Раймонда" Григоровича. Замечательный спектакль с совершенно феноменальными декорациями и костюмами Вирсаладзе; моя "Тщетная предосторожность" (это название не появлялось здесь чуть ли не шестьдесят лет). Только что мы закончили "Золушку" Прокофьева, премьера которой состоится в Японии 10 ноября. Этот спектакль для меня особенно важен, так как с него в 1964 году начиналась моя балетмейстерская деятельность. Я несколько его не изменил. Надо сказать, со спектаклем в целом труппа еще не вполне справилась. Спектакль очень дорогой (по смете он стоит 280000 долларов) и очень трудный, но сделан он не за наши деньги, а все это полностью оплатила Япония. Мы приобретаем фактически бесплатно роскошные декорации и костюмы, сделанные по эскизам Семена Пастуха и Галины Соловьевой.

направил во все средства массовой информации, на телевидение и в газеты возмущенное письмо о совершенно недопустимом факте культурного терроризма, который происходит во многих странах, когда под именем звезд Кировского театра выступают подчас те, кто давно из себя ничего не представляет. Это касается в данном случае Ольги Вторушиной, Светланы Ефремовой и Равиля Багаутдинова, которые на пенсии и звездами Марининского театра отнюдь не являются. Все ждут настоящего Кировского балета, ждут настоящих звезд, а приезжают люди, которые никак не соответствуют этому.

Без разрешения используя имя Кировского, выступали Ким и Куллик, и это обман, который наносит колоссальный ущерб, это спекуляция на имени нашего театра. Я работать с ними больше не буду.

— Олег Михайлович, а вам не жалко расставаться с людьми, которые украсили премьеру вашей "Тщетной предосторожности"?

— Вы знаете, мне очень жалко Владимира Кима и, особенно, Маргариту Куллик. Они прекрасно танцевали последний свой спектакль. Я рассчитывал на них и включил в состав новой постановки "Золушки", которую я, уверен, замечательно бы танцевали. Но они взрослые люди, они были предупреждены, что не имеют права использовать имя театра. Я не могу бесконечно прощать, я и так слишком много прощаю всем. Есть предел терпению: я не мог прощать им, не мог прощать обмана Александру Гуляеву, который больше не будет работать в театре, не мог прощать обмана Ларисе Лежниковой. Время покажет, что она будет делать там, в Амстердаме, с отсутствием того репертуара, на котором она здесь выросла. Время все поставит на место. Каждый должен расплачиваться за свои поступки...

— Ваши ожидания в новом сезоне?

— Предстоящий сезон у нас не менее интересен. В работе сейчас три новых произведения. Я готовлю балет "Бесы" на музыку Александра Чайковского и намерен закончить две увертюры Вагнера, которые ставлю на Юлию Махалину. Дмитрий Брянцев работает над "Моей прекрасной леди" (сценический вариант телебалета "Галатея", сделанного им вместе с Александром Белинским); это будет большой красочный спектакль.

— В прошлом году на пресс-конференции вы говорили о своей новой редакции "Ромео и Джульетты"...

— Редакция эта готова, но в связи с определенными объективными обстоятельствами тот проект, связанный с привлечением мировых звезд, отпал. Однако мы обязательно осуществим ее с нашей труппой. Если мне удастся все-таки вернуть тот проект, то мы введем звезд в наш спектакль.

— Мне помнится, в прошлом году в одном из интервью вы упомянули о намерении вернуться к "Ярославне"...

— Я мечтаю вернуться к этому балету, потому что вижу, насколько его тема сегодня, как никогда, злободневна. Сейчас происходит именно то, о чем мы с Юрием Петровичем Любимовым говорили в том спектакле. Этот спектакль, так же как и "Петрушка", которого я сделал несколько лет назад, настолько актуален, что оба они должны идти. Думаю, что мы опять вернем "Петрушку" на сцену, и я уже начал работу над "Ярославной", начал собирать людей, которые ее помнят. И конечно, я все сделаю для того, чтобы Юрий Петрович Любимов — замечательный художник, человек и режиссер, который меня восхищает, — вновь принял участие в этой работе. Только что в Афинах мы провели с ним целую неделю и обсуждали планы совместной работы. Юрий Петрович согласился также приехать на гастроли со своей труппой в наш новый театр Камерного балета.

— Расскажите, пожалуйста, об этом театре.

— Театр Камерного балета под моим руководством готовится к открытию в бывшем ДК имени Первой пятилетки — там замечательный зал, прекрасное помещение. Театр этот — частный. Презентация его состоится в октябре, и откроется мы тремя программами. Первая — балеты Брянцева "Браво, Фигаро", "Девять танго и Бах" и "Ковбой". Уже готово целое отделение балетов на музыку Шопена. Вторая — камерный вариант "Тщетной предосторожности". Третья — программа старинной хореографии. Готовится камерный вариант "Щелкунчика". Этот театр будет жить своей самостоятельной жизнью со своей труппой, со своими выездами, со своим репертуаром. Мне хочется сделать его филиалом Марининского с тем, чтобы расширить диапазон наших солистов, которые часто бываю в простое, потому что репертуар не позволяет их использовать так, как мы хотим, и чтобы у любителей балета в Петербурге появилось еще одно место, где бы они могли собираться. Я возобновляю свои лекции, которые постараюсь сделать доступными. У нас будут самые дешевые билеты, и люди, которые не могут попасть в Марининский театр, посмотреть любимых артистов, смогут смотреть их там.

— Многие известные хореографы пробовали себя в оперной режиссуре. У вас никогда не было таких мыслей?

— Вы знаете, я ведь начинал с этого. Я был ассистентом Пасынкова, ставил оперы, оперетты, работал как театральный художник...

— Каковы перспективы сотрудничества с крупнейшими хореографами Запада, такими как Бежар, Ноймайер, Килиан? Год назад вы обещали также вечер балетов Ролана Пети.

— Когда у нас с Морисом Бежаром где-то пересекаются пути, в Европе или в Америке, он каждый раз говорит: "Олег, имея в виду, что я хочу сделать для вас оригинальную постановку". Речь идет только о том, что пока мы не можем найти деньги и спонсора, который на себя это возьмет. То же самое с Роланом Пети, который определил довольно крупную сумму на постановку, но вечер его балетов по-прежнему в плане. Это "Юноша и смерть", "Кармен" и "Пиковая дама".

— Олег Михайлович, поскольку вы исповедуете концепцию, что Марининский балет — это театр-музей, то нет ли некоторого дисбаланса в том, что на афише отсутствуют имена Лопухова, Якобсона...

— Вы знаете, я мечтал бы вернуть хоть один балет Лопухова, но, увы, его хореография совершенно не сохранилась, абсолютно.

— Но если восстанавливают XVIII век, то, что не шло столетия...

— Я не знаю того человека, который бы мог хоть что-то восстановить из лопуховской хореографии. Мы — единственный театр, который обладает двумя его фрагментами. Это дуэт Остапа и Андрия из "Тараса Бульбы", который в разное время возвращался на сцену, и вариация Ледяной девы. Больше ничего не осталось.

По Якобсону разговор особый. Я обожаю этого хореографа. Он повлиял на меня, как и на многих, это прекрасный хореограф с очень трагической судьбой. И трагизм этот не закончился при его жизни. Я сделал все возможное, чтобы собрать творчество Якобсона и сделать его театр, но, к сожалению, все это попало в руки его сына, работать с которым просто невозможно. Он и, к сожалению, Ирина Давыдовна, вдова Якобсона, своими руками сделали все, чтобы творчество Якобсона здесь, в этом театре больше никогда не появилось, и лично я больше этим заниматься не буду никогда. Однако балет "Шурале" должен идти в этом театре и мы обязательно его возобновим.

— Но вы же только что сказали, что Якобсоном больше заниматься не будете?

— Да, сам я не буду заниматься Якобсоном, "Шурале" сделает кто-нибудь другой...

— Олег Михайлович, оперная труппа постоянно осуществляет совместные постановки с другими театрами. У вас таких планов нет?

— Я не знаю театров, которые могли бы в этом смысле быть на уровне нашей труппы.

— Включая Парижскую Оперу?

— Включая Парижскую Оперу. Нет таких театров. А переносить хореографию отдельных хореографов мы можем и делаем это, когда у нас есть деньги, когда мы их находим. Но пока таких совместных постановок не предвидится.

— Олег Михайлович, много всяких разговоров идет по поводу неучастия театра в конкурсе "Майя". Как бы вы прокомментировали сложившуюся ситуацию?

— Это все выпады определенных людей. Я-то слишком хорошо знаю, кто за этим стоит. Я бесконечно уважаю Майю Михайловну как балерину, как личность, преклоняюсь перед ней. Но за ней стоит человек по фамилии Чернин, который делает на этом определенные свои дела, в том числе и личные, все это шито белыми нитками. Но мы не против конкурса Майи Михайловны Плисецкой. Нам просто странно, почему в нашем городе и в Марининском театре пока не было конкурса Галины Улановой или Марины Семеновской, которые работали в этом театре, Мариуса Петипа, дом которого здесь, или, наконец, конкурса Марининского театра?..

У театра нет каких-то противопоказаний. Дело в том, что 6 августа у нас был последний спектакль, а 7 ночью уже взломали планшеты сцены, который пришел в негодность и должен был полностью реконструирован. Мы не успевали это сделать даже к открытию сезона. К 24 сентября сделана только рабочая часть планшета сцены, а все остальное — в ноябре и декабре, когда театр будет на гастролях.

— Но утверждают, что вы лично запретили своим танцовщикам участвовать в конкурсе. Об этом говорила на пресс-конференции единственная участница от Марининского Екатерина Ковмир...

— Да, я действительно запретил ей участвовать в конкурсе под угрозой увольнения. Она — неконкурсная танцовщица.

— Запрет касался только ее?

— Да. А больше никто интереса и не проявлял.

— Однако Вадим Гаевский — не знаю уж, откуда он черпал информацию — заявил на пресс-конференции, что Ульяна Лопаткина подавала заявление на конкурс, но потом вынуждена была его забрать...

— Никакого заявления Лопаткиной не было. Но я бы и не разрешил ей участвовать: Лопаткиной еще надо расти, у нее есть ряд недостатков, которые пока не преодолены. Я не хочу рисковать ни именем театра, ни именем артистов, тем более — способных. Лопаткина — способная танцовщица, но ни до какого конкурса я ее не допущу, пока сам не убежусь, что она для этого готова. Как руководитель театра я отвечаю за судьбы актеров. Я, а не Гаевский или кто-то еще...

Кстати, конкурсные танцовщики — чаще всего не танцовщики театра; люди, которые выигрывают конкурсы, далеко не всегда могут танцевать в спектаклях. Это — разные вещи. Конкурс — это соревнование, спектакль — искусство.

— Возвращаясь к Ковмир: она уволена?

— Никто ее не увольнял. Но прощать подобных вещей мы не будем. Я ведь заранее предвидел, что ее используют как козырь против театра, что и случилось. Я предупреждал об этом и ее отца, и ее лично, сказав, что все последствия они берут на себя. Они согласились с этим, с тем, что не будут употреблять имя Марининского театра, но слова не сдержали. Николай Ковмир был прекрасным артистом и его вклад в развитие нашей труппы невозможно переоценить. Но это — разные вещи: она — не папа, у нее есть целый ряд проблем, которые никогда не позволят ей быть звездой...

Если бы подобное случилось у Баланчина, у Бежара или, скажем, у Питера Мартинса, она бы уже в театре не работала. А почему я должен позволять, чтобы плевали в меня и в мой театр?

— В заключение, что бы вы хотели добавить к уже сказанному, что вас сегодня особенно беспокоит?

— Беспокоит, конечно, то, что артисты сегодня, получив, так сказать, свободу, могут работать везде, где они хотят. Это замечательное достижение нашего времени, но, конечно, возникают определенные сложности. Артисты, которые понимают, где они работают, что из себя представляют, в общем не попадают ни в какие ситуации. Артисты, которые не всегда понимают, попадают в ситуации, которые непоправимы. Обратно мы никого не принимаем. Этот театр сегодня является лучшим театром мира. Это говорим не мы, это говорит мировая общественность. Сегодня рядом с ним стоять очень трудно. И мы будем верны своим принципам, принципам развития и сохранения наследия. Мы будем приглашать новых хореографов, растить их, сами ставить, так, чтобы общий, полный комплекс сегодняшнего прекрасного искусства был интересен для петербургской публики, для города, который мы обожаем и сделаем все для того, чтобы он гордился своим театром.